

Влас Михайлович Дорошевич

Две правды

Влас Дорошевич
Две правды

«Public Domain»

1907

Дорошевич В. М.

Две правды / В. М. Дорошевич — «Public Domain», 1907

«В вагоне первого класса сидели друг против друга и спорили два человека. Один – вида петербургского. До последней степени корректный. Вещи уложены в щёгольские чемоданы заграничной складки. Выражение лица такое, какое бывает у каждого петербуржца, когда ему приходится говорить с русским человеком, т. е. строгое...»

Влас Дорошевич Две правды

В вагоне первого класса сидели друг против друга и спорили два человека.

Один – вида петербургского. До последней степени корректный. Вещи уложены в щёгольские чемоданы заграничной складки. Выражение лица такое, какое бывает у каждого петербуржца, когда ему приходится говорить с русским человеком, т. е. строгое.

Другой собеседник был вида московского или провинциального. Всё у него было в беспорядке. Вещи в каких-то узелках. И когда кондуктор спрашивал: «Господин, ваш билет!» – господин приходил в величайшее замешательство:

– Батюшки, куда ж я задевал.

Шарил во всех карманах, смотрел в шляпе и один раз даже стыдливо приподнял панталону и искал билет в голенище.

– Дело юридическое, – и я смотрю с точки зрения юридической! – строго сказал господин петербургской складки.

– Дело житейское, – и я смотрю с точки зрения житейской! – добродушно ответил ему господин складки провинциальной.

Говорили они о том, о чём говорили тогда всюду и везде, – о Золотовой, о знаменитом «происшествии в станице Тихорецкой».

Об этом был разговор между всеми пассажирами.

Все находили, конечно, в один голос:

– Слава Богу, что кошмар, который висел над русским обществом более месяца, оказался вздором. «Разъяснение» рассеяло его совершенно. Дело оказалось самым обыкновенным.

Как вдруг господин с узелочками предобродушно заметил:

– А мне этого жаль. И на меня «разъяснение» произвело гораздо более тяжёлое впечатление, чем весь прежний рассказ.

Все посмотрели на него с удивлением.

А господин петербургского вида строго:

– Это как же так? Позвольте спросить.

Господин с узелками отвечал очень любезно и охотно:

– А очень просто. По первому ли рассказу, ложному, по второму ли, верному, но самый главный-то факт остаётся. Человеческая жизнь погибла. Но, по первому рассказу, это, как вы совершенно справедливо изволили сказать, представлялось чем-то чудовищным. Чудовищным, следовательно, невозможным к повторению. А по второй, настоящей версии это является, как вы тоже справедливо изволили заметить, чем-то обыкновенным. А обыкновенное может повториться каждый день. Видите ли, когда мне говорят: «Такого-то задавил слон», – это трогает меня гораздо меньше, чем когда я слышу: «Такого-то раздавила лошадь». Со слонем я, наверное, во всю мою жизнь никогда не встречу. А лошадь может на каждом шагу из-за угла выехать!

– Следовательно, вы предпочли бы историю со следователем-чудовищем?

Господин с узелками ответил добродушно, но твёрдо:

– Предпочёл бы-с! Вспомните первую историю. Следователь, чтоб завладеть силою первой встречной девушкой, подбрасывает ей свои вещи, арестует, запирает в кордегардию, насилует. Натешивши свои страсти, отдаёт жертву сторожам: «Тешьтесь и вы». Те, в свою очередь, натешившись, начинают ею торговать на всю станицу: «Платите и насилуйте». Тут всё чудовищно до невероятия. Такой следователь с африканскими страстями – чудовище порока, эротоман и безумный.

– Безумный?

– Несомненно, безумный. Он шёл прямо на каторгу. Представьте себе, что изнасилованная им девушка не отравилась бы. Ведь не мог бы он её до конца жизни держать взаперти. Рано или поздно пришлось бы отправить её к родным «на предмет удостоверения личности». Девушка всё рассказала бы родным, родные начали бы дело. Свидетелей нашлось бы сколько угодно. Ведь дело происходило в станице, где всегда все и про всё знают. Раз в кордегардию являлись «любители», значит, в станице знали, что в кордегардии торгуют девушкой. Стоило бы начаться следствию, станичники указали бы на негодяев, которые рассказывали, хвастались, смеялись: «вот кто и кто ходили в кордегардию». Те указали бы на сторожей, которым они платили. Сторожа, чтоб оправдаться, указали бы на следователя: «Вот кто нам позволил!» Рассказали бы, как он изнасиловал. Весь рассказ девушки подтвердился бы. И следователю грозила бы неминуемая каторга. Или каторга, или бежать. В том и другом случае заплатить ценой всей своей жизни за обладание первой попавшейся девушкой. Такой безумный, такой эротоман, такое чудовище – невероятная редкость вообще среди людей. Встретить на своём пути такого следователя, это то же, что, живя в России, быть раздавленному слоню. И это утешительно. Тогда как со второй версии вы видите перед собой следователя самого обыкновенного, который действует самым обыкновенным образом. А результат получается один и тот же: женщина отравилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.